

Полина ОРЫНЯНСКАЯ

МЕСТО У ОКНА

Полина Валерьевна Орынянская родилась в подмосковной Балашихе. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работает в издательском доме «ИМ-Медиа», главный редактор журналов исторической и научно-популярной серии «Наша история», «Все загадки мира», «Архивы XX века». Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Дружба народов», «Этажи», «Аврора», «Южное сияние» и др. Победитель нескольких литературных конкурсов, в том числе Международного Грушинского интернет-конкурса в номинации «Поэзия» (2017), V литературного конкурса-фестиваля «Русский Гофман» (2020), IX Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» (2020-2021), лауреат XVIII Международного Волошинского конкурса (2021). Живёт в Балашихе.

А я сидела у реки

Кружило листик по реке,
тащило щепку по теченью
туда, где в дальнем далеке
киты креветок, как печенье,
жуют в ленивый фэйф-о-клок.
Волна, нагретая пассатом,
то правый бок, то левый бок
любовно лижет полосатым...

Клевал пескарь и окуньки.
И я сидела у реки.

А листик был и сплыл — привет!
На щепке в путь пустилась муха
туда, где всё ещё скелет
«Голландца» гонит в ночь,
по слухам,
и в полудрёме маяки
мигают лайнерам и баржам...

А я сидела у реки —
не щепка и не листик даже...

Место у окна

Вечер гонит по городу толпы
людей и снег.

Я давно отвыкла от города,
от людей.

Ты один из них, а я-то — одна
из тех,
кто полжизни на город
из транспорта проглядел,

да и то — если место достанется
у окна,
у святого тепла заржавленных
батарей.

Но обычно кто-нибудь локтем
по рёбрам — на!

И стоишь на одной ноге, и то
не своей.

Заезжаешь в город — неместный,
плебей. За окном темно.

Оттрубишь до звонка, и опять
темнота на свете.

И кому в рестораны, театры,
к друзьям, в кино.

А тебе к остановке — в очередь,
сукины дети!

И потом, выпуская пар,
допуская мат,

испуская стоны и распуская
руки,

мы ломились в автобус, чтобы
попасть назад,

в полуночный пригород —
вымерший, тёмный, гулкий...

Но, поверишь, всю мою жизнь
с тех лет,

подпалённых огнями большого
города,

я люблю автобусы, это тепло
и свет,
обещание дома посреди чужаков
и холода.

До звона

И будет так: не будет ничего.
Немая ночь, глухая ночь до звона.
Фонарный свет, тугая нить его,
окно-икона.

И пустота, застрявшая навзрыд
на до-нной до-лгой ноте
невозврата.

Как медно-колоколен твой язык
набатный.

Ты слышишь? Нарастает птичий
крик... —

но путается в солнечном
сплетенье.

И только память — сполох
или блик,

не свет, но междутень...

Море волнуется

Море волнуется раз-два-три,
раз-два-три, раз.

По горизонту ползёт, как жучок,
баркас.

Слева Кабаний мыс
гору камней нагрыз.

Справа Чобан-Куле
высится на скале.

Это моя ойкумена, причал
и приют.

Боже, на Маркса какой чебурек
дают!

Светлое пиво «Крым» —
не обойтись одним.
Пыль пополам с пыльцой.
Пел тут когда-то Цой.

Лодочка выйдет — ставридка,
кефаль и бычки.

Вечером кошки дерутся, орут
сверчки.

Вся в мотыльках трава.
Грецкий орех, айва.
Сливы горячий сок.
Крест на горе высок.

Господи, дай мне хоть лето,
хоть тысячу лет.
Наобещай мне Гавайи, Бали,
Пхукет.

И забери назад,
дай мне вот этот сад,
местной «массандры» вкус
и ледяной арбуз.

Если однажды из виду упустишь
меня,
просто в июле иди на исходе дня
пляжем почти пустым.
Мы, как всегда, сидим
Ленина, 39, Морское, Крым.

Моё

Моё — на сотни километров
вдаль,
от облаков, накрывших Таганай,
до деревеньки под названием
Дурки.

Моя земля — Ахматовская копь,
и как её забвением ни гробь,

а только сам с собой играешь
в жмурки.

Под прелью прошлогоднего листа
она хранит заветные места,
на карте — просто россыпь
многоточий...

Ночное бормотание шивер.
Попутчик, тихий рыжий
старовер,
который в город ни за что
не хочет.

А хочет — к трём девахам
пацанов
и на комбайне убирать зерно
в Больших Бакалдах.

Ещё немного вахты чёрт-те где,
и будет в жизни всё, как
у людей,
как надо.

А мне как надо? Глянeshь
со скалы —
и лёгкие становятся малы.
И, знаешь что, завидую берёзе,

проросшей в серокаменной щели
на горсти даже пыли, не земли.
Как думаешь, а мы бы так
смогли?..

Дорогу нудным дождиком
развозит,

и мы идём за прежними след
в след
по колее, по карте, еле-еле.
Но впереди виднеется просвет,
и облака белее и белее.

Утреннее

Вставай! Пора вливаться в эту
сильно,
ходить босой, прислушиваться
к птицам,
смотреть, как разливается
тепльнень,
дымитесь
недолгим паром, облаком
земным,
в котором всё нездешно
по-эдемски —
и сад, и луг, за лугом —
перелески.
И солнца вызревающего нимб
ещё не монолитен, не тяжёл,
он будто пух на голове младенца.
И никуда от нежности
не деться —
так хорошо...

Твоё имя

Знаешь, что чудно, Господи,
что чудно?
Что в начале слово, а в конце —
звук.
А дождя ли, колокола —
всё одно.
Я же помню вишни в латунном
тазу.
Собирали, чистили, шум да гам.
Руки синие, синие губы.
А потом только осы цокали
по краям,
и печка гудела трубно.

Сколько слов вырождалось
в шёпоты, переходило в стон...
Ты дал слово — одно, Господи,
а их тыщи.
И каждое второе уже не то.
Но губами щупаешь, ищешь,
выбираешь из одури речевой,
пробуешь на вкус, на цвет,
на ересь.
Для чего, Господи, для чего?
Вот он, шум реки и травы
шелест.
Так зачем этот крест, эта мука
мне?
Или хочешь, чтоб рассказала
другим я,
как молчать — и слышать в себе,
в тишине
Твоё имя?..

На Кольском

На собачьей морде
одуваний пух.
Славно на природе.
Комаров да мух
посбивало ливнем.
Тихо, сыро, лень.
Полторашку вынем,
начинаем день.
Чесночок, редиска,
рыбка иваси.
Солнечным огрызком
полдень закусил.
Домики-домушки,
мокрая трава.
Дед достал чекушку,
как из рукава.

Пару стопок разом.
Что там по одной?
И пошли рассказы
про Кульйок-Поной,
блѣсны, самоедов,
северную ночь
(подливаю деду),
азимут и проч...

Всѣ дымы да тени,
изморось-роса.
Пенятся сирени.
Шепчутся леса.
Рады короеды.
Озверел осот.
Нам по тридцать с дедом.
Мы на Кольском где-то.
Мы пьяны и седы.
Подсекай, клюёт!

До календарного свистка

Дожди рождаются ночами,
когда июль ещё хорош.
И ты не чувствуешь вначале
их пробирающую дрожь.

Они приходят не снаружи,
а просыпаются внутри.
Но ты не знаешь, что простужен,
что прорастают ноябри

в тебе до осени, задолго
до календарного свистка —
росой в траве, луны осколком...
Вот так и я, глупа, легка,

иду по августам босая,
не зная, что иду ко дну,
и до сих пор жуков спасаю,
на лапы их перевернув.

Сентябрь в Коктебеле

А.

Я без тебя скучна, как прелый
лист.
Не исчезай, не уезжай надолго.
Всѣ врут — от расставаний мало
толка.

Остановись.

Давай по коньячку возьмём
опять —
по соточке, чтоб после
не тревожить
покой, лежащий бликами
на коже,
и мальчика напрасно не гонять.

Молчи, болтай, прищулив
жѣлтый глаз.
Скорми коту пол-радужной
форели.
Какой сентябрь сегодня
в Коктебеле!
Всѣ из-за нас.

Ну, на кого оставить этот люд?
Тоска, тоска... Ты посмотри —
Волошин
угрюмо в море бороду полощет,
космат и лют.

Твой самолёт — сомнительный
предлог.
Но, как всегда, иного нет
в итоге.
Да что теперь. Храни тебя
в дороге
куриный бог.

Соловки

*

Среди белужьих косяков
идёт «Василий Косяков».
На нём паломник и турист
глядят на море сверху вниз.
А море дышит: вдох — и фух.
Маяк зажётся и потух.
А век зажётся и горел.
Этап, Секирная, расстрел.

Когда приходит пароход,
двоих с него тотчас в расход.
А ты на жёрдочке сиди.
Падёшь — пригреют на груди
седые божьи старики.
По именам их нареки:
Савватий, Герман и Зосима.

А рвы распахнуты на зиму.
Теперь до оттепели здесь
лежи, с других сбивая спесь.
А там, глядишь, зарюют
под Чудовой горою.
И вырастет из босых ног
черничник и косматый мох.

*

Разбудит благовест. То тихо,
то набатно
качают звук поморские ветра.
У Царской пристани толпятся
катера,
везут на Анзер и везут обратно.

В посёлке благостно. Копчёная
треска
по 200 рэ за среднюю рыбёху.
Селёдку малосольную неплохо
мы сторговали тут у рыбака.

Неспешно всё. А что, на Божий
суд
успеется. Живи себе в охотку.
К Преображенью патриарха
ждут,
и мужики вовсю скупают водку.

*

Когда глядишь на облака,
нет расстояний меж веками.
Скроены стены на века,
а может, взощены из камня.

И причащаешься суровой
скупой нешумной чистоты.
И бродят сонные коровы
и любопытные коты,

и чайки кормятся с руки...
Меня не удивляет, в общем,
что произносит Soul-love-ки
какой-то иностранец тощий.

*

Вода в ручьях темна
и, словно кровь, густа.
Шевелится у дна
ржавелая листва.

И вверх ногами в ней
дрожат среди камней
малина у моста
и маковка скита.

*

А вот где жизнь назло берёт своё
у каменного холода и глины:
цветёт шиповник, тянутся
люпины
и прочее заморское быльё.

Здесь прижились ростки и семена
чужих широт. Шмели качают розы.
Тут, говорят, в иные времена
цвели и вызревали абрикосы.

Таблички там, таблички тут. Иду,
куда ведёт натопанная тропка...
Мне больше всех растений в ботсаду
запомнилась тупая кровохлёбка.

*

Белое море и белый песок.
Белый туман по-над белой обителью.
Белобородый языческий бог
смотрит с иконы глазами Спасителя.

Лето не лето, зима на носу.
Клонятся травы к земле покаянно.
Крикнет белуха на дальнем мысу —
и тишина.
И расстрельные ямы.